

Она так пожалела о той вылетевшей ненароком фразе! И очень быстро поняла, насколько легкомысленно прозвучали ее слова тогда, в декабре, в полупустой радиологической лаборатории. Но взгляд нового главного врача, устремленный на подчиненных, был полон ожидания. И ... горечи. Это и заставило её решиться.

Галина и ее коллеги увидели, как новый «главный» изумлен. Он только что оставил кабинет вице-мэра по социальным вопросам и хорошо знал проблемы города. Но размеры разрухи, произведенной реформаторами в последние месяцы в больничном комплексе знаменитой «Тринадцатой», которые он сегодня оценил своими глазами, потрясли.

В начале 2001-го, после того, как купившие автозавод господа

отказались содержать больницу для рабочих, она фактически оказалась бесхозной. Завод до осени вывозил из стационара своё имущество. Долго формировалось штатное расписание. 30 сентября всех оставшихся сотрудников официально уволили, а на следующий день вновь приняли в порядке служебного перевода.

Галина Шестакова волей судьбы оказалась среди них: что уж скрывать, напуганных и неверящих в завтрашний день.

И вдруг прошёл слух: главным врачом придёт Разумовский. Очень многие его знали – до кресла вице-мэра Александр Васильевич возглавлял Нижегородский научно-исследовательский институт травматологии и ортопедии. Вот тогда-то все вздохнули с облегчением: значит, больница выживет!

История одной находки

В ПЕРВЫЕ же дни «главный» устроил обход территории. Радиологическая лаборатория – песчинка на десяти тысячах больничных квадратных метров – пришлась на глубокий вечер. Задерживаться здесь врачебный эскорт не предполагал: деятельность лаборатории затухала, из последних сил держалась двумя типами скромных исследований.

Нужно добавить, что таких изотопных лабораторий в городе прежде было всего три: в областной больнице, в диагностическом центре и в «Тринадцатой». Первые две уже закрыли как неперспективные. А в «Тринадцатой» ещё продолжали кое-что делать.

- Не закрывали, но и не представляли, как её в то время можно использовать, - вспоминает Галина Васильевна. - Перспективы радиологии на базе нашей больницы никого особо не занимали.

Но новый главный врач потребовал: все подразделения должны действовать эффективно. При этом его интересовало видение ситуации самими сотрудниками.

...Оглядев в тот вечер лабораторию, он сразу принял решение: «Или закрываем, или развиваем».

Вот тут-то Галина Шестакова, заведующая второй терапией и отваявшаяся:

- А что, если здесь организовать радиойодотерапию для лечения щитовидной железы?

Александр Разумовский живо обернулся: «Насколько это реально?»

Галине Васильевне проблема была знакома лишь в общих чертах. Еще два года назад она, преподаватель курсов усовершенствования врачей Нижегородской медицинской академии, готовила лекции по болезни щитовидной железы и рассказывала слушателям о методике лечения изотопами йода за границей. Лекция вошла в план «для общего развития», тогда в России этой методикой не пользовался никто.

И насколько это реально в «Тринадцатой», Галина Шестакова, конечно же, на том декабрьском обходе ответить главному врачу не могла...

НАЧАЛИСЬ дни возрождения больницы. Каждый горячо взялся за свое дело. А дел было – невпроворот. А у Галины Васильевны пожалуй, побольше, чем у многих: она стала заместителем главного врача по терапии.

О радиойоде просто-напросто ...забыла. Ну, накидали в тот «горячий» день

интересных предложений, ну, наполнили банк идей. Теперь пусть жизнь расставляет всё по своим местам – отделяет зерна от плевел.

Но не забыл «главный».

Александр Васильевич остановил ее однажды как-то после утренней конференции спросил:

- А как, уважаемая Галина Васильевна, продвигается упомянутый вами радиойод?

В ОТ тот момент как раз и положил начало большой работе по освоению, а потом и распространению в России метода, который вначале взбунтовавшиеся было эндокринологи называли «персональными ядерными реакторами», а теперь величают «каплями датского короля».

Галина Шестакова обложилась научной литературой. В основном иностранной: на родине по этой проблеме исследований ещё не было.

- Вот тогда-то и вспомнились коллоквиумы и сессии! – возвращается она памятью в студенческие годы. Режим работы и сна в те месяцы копировал их один к одному.

Вообще-то Галина всегда была трудолюбивой. Ее любопытство к новому – из ранней юности. Еще в школе в стайке подружек «бегала по олимпиадам» на все факультеты университета и каждый раз приносила домой почтенную грамоту. Мама складывала их в шкапулку, но в дочери и в будущих внуках видела только продолжение династии врачей. Точно также, как Галина Васильевна мечтает о медицинской профессии для своей внучки.

В медицинской академии тоже все было интересно.

- Но вот что давалось не просто, так это запоминание огромного количества фактического материала: анатомические термины, препараты, дозы. Это было убийство для меня ...- смеется над собой - студенткой.

Ей с лёту давались логические вещи. Тем не менее, в заветную шкапулку лег «красный» диплом.

В аспирантуре, а после защиты кандидатской диссертации – ассистентом, позже доцентом на кафедре терапии она тоже всё запоминала, запоминала...

Однажды младший брат, тоже врач, не выдержал:

- Галка, ты все время учишь наизусть или просто близко к тексту?

3 АОКЕАНСКИЕ научные труды утверждали: однократное применение изотопа

йода вылечивает до 95 случаев тиреотоксикоза.

Вырабатываемые щитовидной железой гормоны жизненно необходимы всем клеткам организма. В ней и исключительно в ней накапливается йод. Но избыток гормонов становится губительным и приводит к диагнозу «базедова болезнь» или болезнь Грейвса. Эту патологию имеет один процент населения, – каждый сотый! По значимости среди эндокринных заболеваний она вторая после сахарного диабета. Заболевание связано с генетикой, с наследственностью, с иммунными нарушениями. Железа начинает неконтролируемо поставлять гормоны. Сердце бьется с огромной частотой и стремительно изнашивается. Глаза блестят. Руки дрожат. Пациент худеет. При нелеченном тиреотоксикозе гибель неизбежна.

Ученые придумали таблетки, которые подавляют выработку гормонов. Однако они излечивают болезнь редко – у одного из четырех пациентов. Трое остальных вынуждены либо переходить на пожизненное употребление лекарств, либо удалять щитовидную железу. На операцию решаются немногие: это ювелирная работа, нередко заканчивающаяся осложнениями и рецидивами.

НО РАДИАЦИЮ в России все же применяли. Институт Российской академии наук в Обнинске, на всю страну единственный, использовал ее главным образом в онкологии. В том числе радиойодотерапию: опять-таки для лечения рака щитовидной железы.

- А мы уверены, что можно лечить и доброкачественные формы, которые не связаны с раковой опухолью! – доказывала Галина Шестакова оппонентам всех рангов.

«Тринадцатая» начала обсуждение темы со специалистами в области радиологии – в Роспотребнадзоре, Атомнадзоре, у столичных физиков-ядерщиков.

НА ОДНОЙ из крупных конференций в Москве Галина Васильевна обратилась к заведующему кафедрой радиологии, известному ученому. Он оказался чрезвычайно любезен и общителен. Но когда нижегородская коллега напрямую попросила проконсультировать по поводу внедрения методики йодотерапии, всю галантность собеседника как рукой сняло:

- Если бы такое оказалось возможным, мы бы сами сделали.

Невозможным это считалось потому, что было сопряжено с высочайшим уровнем

безопасности, обеспечить который требовали нормативы в Российской Федерации. Законодательство по радиологии диктовало столь строгие правила, что, не вложив безумных миллионов в строительство, в охрану, в экологию – абсурдной называли даже мысль о создании лечебного отделения. За последние полсотни лет в России никто на это и не решался.

В СЕ и все были против. «За» – только информация о фантастических результатах зарубежных эндокринологов. И чем настырнее Галине Шестаковой говорили: «Нет!», тем ярче разгоралось ее желание получить живую воду с изотопами йода и отдать ее тысячам ждущих и жаждущих земляков.

Коллеги относились к ее энтузиазму по-разному. Молодые пожимали плечами: а вдруг? Опытные старались отговорить от напрасных трат сил и времени – какой смысл ломиться в запертую дверь?

Добрая приятельница, заведующая лабораторией изотопной диагностики, которая полвека работала на этом месте и пользовалась высокой репутацией профессионала, все искала последнюю убедительную точку, которая повернула бы взор драгоценной Галочки в другую, более перспективную стезю. Однажды она позвонила в кабинет Галины с «радостной» вестью:

- Приходите скорее! У нас здесь Александр Иванович Колодин, физик из университета Лобачевского, который нас обычно проверяет. Вы же знаете, его авторитет велик настолько, что сказанное им «да» или «нет» – последняя истина. Он с вами поговорит, и у вас не останется ни одной мысли по вашему проекту, дорогая!

Галина вздохнула, в очередной раз собрала в кулак всю свою волю и отправилась на неизвестно уже какую по счету экзекуцию.

Сначала понуро и невыразительно, а потом все больше увлекаясь, она рассказала этому человеку все, что пережила за последние месяцы. Раскрыла толстые тетради с выписками и переводами, раскатала ватманские листы с графиками и схемами.

Разгоряченная, она уже и не заметила, как закончила – сидела, листая свои записи и забыв про гостя. И вдруг осознала: он молчит. Молчит! Не возражает, не отрицает, не говорит тех решительных слов, к которым она уже привыкла. И

Окончание на 16-й стр.